

DOI: 10.31857/S032103910022724-9

## СОВРЕМЕННЫЙ ВЗГЛЯД НА «СОВЕТСКУЮ ДРЕВНОСТЬ», ИЛИ РАЗМЫШЛЕНИЯ О МОНОГРАФИИ С.Г. КАРПЮКА «“СОВЕТСКАЯ ДРЕВНОСТЬ”: ИСТОРИЯ НАУКИ И ОБЩЕСТВА В 1930–1960-е годы»

Монография С.Г. Карпюка<sup>1</sup>, объединившая, как указывает автор во введении, «главы-статьи-очерки, которые посвящены изучению истории древнего (и, прежде всего, античного) мира в СССР» (с. 3), является результатом долгого творческого поиска исследователя в области анализа «советской древности» (см., например, список трудов С.Г. Карпюка по истории науки, приведенный на с. 403–408 рецензируемого издания). Ученый приступил к рассмотрению данной темы в 2014 г. (с. 3) и за прошедшие годы опубликовал немало статей по этой проблематике, одновременно представив их в виде докладов на различных семинарах и конференциях, в частности на ставшей уже ежегодной международной научной конференции «Советская древность»<sup>2</sup>. Теперь же результаты его работы объединены в целостный нарратив, который последовательно освещает самые разные стороны развития историографии древности в СССР.

Монографию открывает глава «Недревняя история “Вестника древней истории”», посвященная проблеме возникновения и последующего функционирования в пространстве советской науки первого специализированного журнала, публиковавшего статьи по истории древности. Эта глава объединяет несколько различных сюжетов, ранее разработанных С.Г. Карпюком и с разных ракурсов освещающих историю ВДИ: проблему появления журнала в 1937 г., вопросы его функционирования в годы оттепели и в период трансформаций конца 1980–2000-х годов и особенности публикуемых материалов. Каждый из указанных сюжетов является интересной и оригинальной исследовательской находкой автора. Так, размышляя о причинах появления ВДИ, Карпюк предлагает новое объяснение самого факта открытия этого издания в СССР в 1937 г., акцентируя внимание читателей на случайности принятого решения: «Поводом к созданию журнала стали научные или, точнее, дилетантски-научные интересы шурина Сталина Александра Сванидзе» (с. 19), который сумел представить новый журнал в качестве удачного способа реабилитации академизма и классицизма, оказавшихся весьма востребованными властью во второй половине 1930-х годов (с. 18). В рамках же прежнего подхода, представленного в работах как советских ученых, настаивавших на неуклонном поступательном развитии науки в СССР<sup>3</sup>, так и современных историографов, опирающихся на разработки Т. Куна<sup>4</sup>, возникновение данного научного журнала обычно объяснялось предшествующим развитием этой дисциплины, и даже воспринималось в качестве маркера ее зрелости.

Интересны и другие очерки первой главы рецензируемой монографии. Весьма любопытен, в частности, вывод, который делает Карпюк при анализе материалов авторско-читательских конференций, проводившихся в ВДИ в годы оттепели. Используя опубликованные записи обсуждений, ранее никогда не привлекавшие к себе внимания историографов, исследователь доказывает, что авторско-читательские конференции были не просто симптомом своего времени, но представляли собой очевидные свидетельства формирования в СССР в 1950-е годы единой корпорации историков древнего мира, члены которой отчетливо осознавали свою общность (с. 44).

<sup>1</sup> Karpyuk 2021a.

<sup>2</sup> Karpyuk 2021b.

<sup>3</sup> Krikh, Metel' 2014, 63.

<sup>4</sup> Karpyuk 2015.

К схожему выводу автор приходит и при анализе некрологов и поздравлений, которые публиковались на страницах ВДИ в 1930–1980-е годы и также стали для Карпюка свидетельством целостности корпорации советских историков древности (с. 57). Более того, анализируя частоту появления в журнале подобных текстов, историк определяет весьма специфический показатель развития научного сообщества: индекс «оптимизма», выступающий для ученого в роли своеобразного барометра, свидетельствующего о внутреннем состоянии научной корпорации. Обоснование такому подходу предлагается весьма простое: некрологи и поздравления не составляли отдельный раздел журнала и не готовились к печати специальным сотрудником редакции, напротив, они поступали «самотеком» и, следовательно, отражали внутренние процессы развития научного сообщества советских историков древности, выделявшего в своих рядах формальных и неформальных лидеров (с. 51). Для историографа и сам подход к анализу материала, и сделанные автором выводы представляются весьма любопытными. Однако с методологической точки зрения введенный Карпюком «индекс оптимизма», безусловно, требует дальнейшей доработки. Более того, если внимательно посмотреть на выводы автора, то окажется, что они совпадают с традиционной картиной развития советской исторической науки, где на смену сталинскому периоду, препятствовавшему развитию самостоятельности ученых, пришла оттепель, предоставившая им такую возможность, а ее, в свою очередь, сменили «заморозки» и застой 1977–1987 гг., когда активность советских специалистов по истории древности резко пошла на спад. Но не будут ли тогда используемые С. Г. Карпюком показатели подтверждать уже разработанную схему (связанную в том числе и с личными впечатлениями автора<sup>5</sup>), не внося в нее никаких принципиальных уточнений? В любом случае, выводы автора требуют дальнейшей проверки и, стоит надеяться, станут важным шагом в деле изучения позднесоветской науки, которая традиционно ускользала из поля зрения историографов.

Завершая разговор о первой главе рецензируемой монографии, нельзя не отметить, что менее удачными, на мой взгляд, являются ее второй и пятый разделы, связанные с рассмотрением материалов передовиц ВДИ и деятельности журнала под руководством Г. М. Бонгард-Левина. Они носят преимущественно описательный характер и не содержат каких-либо концептуальных новаций. Причем особенно заметным это оказывается в последнем разделе, который сообщает читателю о том, какие статьи публиковались в тот или иной год двадцатилетнего руководства журналом Г. М. Бонгард-Левина. С одной стороны, авторский замысел очевиден: Карпюк пытается выделить наиболее важные изменения в работе журнала, произошедшие с 1988 г. и, безусловно, связанные с новыми векторами исследовательского поиска авторов ВДИ. Однако сама структура очерка излишне перегружена деталями и не позволяет увидеть некоторые очевидные тенденции развития издания в непростой для отечественной науки период, сопровождавшийся не только теоретическими новациями, но и материальными проблемами.

Вторая глава монографии посвящена рассмотрению сюжета, связанного с развитием советской историографии древности в годы войны. Ее материал в целом оказывается неоднородным, и если первый раздел освещает проблему влияния дискуссии о характере критомикенской цивилизации на советскую науку, то оставшиеся три параграфа затрагивают различные аспекты институциональной истории советской науки о древности, повествуя, в частности, об эвакуации Института истории АН СССР и реорганизации Института истории материальной культуры. Безусловным достоинством всех четырех разделов второй главы является их фундированность. Карпюк точен в деталях, он стремится зафиксировать все трансформации организационной структуры изучаемых академических центров и показать роль отдельных ученых в изучаемых процессах. Кроме того, он вводит в оборот новый источниковый материал (с. 122–126, 145–151, 16–170), существенно дополняющий наши сведения о развитии академической науки в 1941–1945 гг. И особенно показательным в этом отношении, вероятно, стоит признать очерк, посвященный деятельности Института истории материальной культуры, который наглядно демонстрирует процесс перевода гуманитарных академических учреждений из Ленинграда в Москву. В нем автор обращает внимание на ситуативный компонент исторического процесса, указывая и подтверждая конкретными документами, как решения отдельных ученых (к примеру, С. П. Толстова, А. В. Мишулина и др.) повлияли на развитие общей инфраструктуры советской науки.

<sup>5</sup> Карпюк 2015.

Однако и эта глава не лишена недостатков. Так, автор использует далеко не все источники, которыми располагает историограф при реконструкции институциональной истории советской науки военных лет. Карпюк опирается преимущественно на материалы Архива РАН, которые, безусловно, дают весьма ценную информацию, но все же не могут представить картину в целом. Весьма полезно в этом отношении было бы использовать многочисленные источники личного происхождения, а именно воспоминания и дневниковые записи советских историков, непосредственно участвовавших в эвакуации и реэвакуации академических институтов. Тем более что их авторы нередко прямо затрагивают сюжеты, связанные с переводом гуманитарных институтов Академии наук СССР из Ленинграда в Москву<sup>6</sup>. В результате такого расширения источниковой базы можно было бы, вероятно, избежать некоторых неточностей и более подробно остановиться на специфике работы различных академических групп историков, оказавшихся в 1941–1943 гг. в эвакуации не только в Ташкенте, но и в Свердловске, Казани, Алма-Ате и ряде других городов<sup>7</sup>.

Третья глава монографии фиксирует внимание читателей на биографиях советских специалистов по истории древности. В нее вошли очерки, посвященные А.В. Мишулину, К.К. Зельину и Г.Г. Дилигенскому. На первый взгляд кажется, что выбор фигур для анализа неоспорен: названных авторов сложно отнести к числу классиков советской историографии древности и настаивать на том, что их работы имеют актуальность для современной науки. Однако риску предположить, что в этом и состоял замысел автора, обратившегося к именам тех ученых, кто в наименьшей степени интересовал его предшественников. Так, А.В. Мишулин, являвшийся руководителем «фронта» советской историографии древности во второй половине 1930-х – 1940-е годы, спустя десять лет после своей смерти стал для вчерашних коллег, хорошо отзывавшихся о его докторской диссертации, «фигурой умолчания». Более того, в дальнейшем о нем не вспоминали и их ученики, традиционно противопоставлявшие (как, к примеру, И.Л. Маяк) А.В. Мишулина и Н.А. Машкина. Не нашлось места для исследователя восстания Спартака и на страницах многотомника «Портреты историков. Время и судьбы»<sup>8</sup>. И лишь недавние статьи С.Б. Криха и А.М. Скворцова, посвященные, впрочем, частным сюжетам, впервые за долгое время обратили внимание антиковедов на А.В. Мишулина<sup>9</sup>. Карпюк продолжил работу в данном направлении, поставив перед собой задачу показать роль данного историка в развитии советской историографии древности (с. 173). В результате, опираясь на широкий пласт архивных материалов, впервые введенных в научный оборот, Карпюк представляет цельный портрет своего героя, показывая его деятельность на фоне общего процесса становления советского антиковедения.

В отличие от «организатора советской науки» А.В. Мишулина, следующий герой монографии – К.К. Зельин – представлял собой фигуру иного порядка. Известный советский специалист по истории эллинизма всегда воспринимался коллегами как настоящий ученый, и его научная биография ранее была реконструирована историографами<sup>10</sup>. Однако Карпюк в очерке о Зельине ставит перед собой совершенно иные задачи. Он анализирует его творчество в контексте полемики, развернувшейся между советским антиковедом и его английским коллегой Дж. Томсоном, занимавшимся изучением древнегреческого общества и стремившимся «произвести революцию не только в классических исследованиях, но и в марксистской науке» (с. 220). Для анализа советской историографии древности такой исследовательский ракурс, безусловно, является значимым. Ведь сам факт полемики между советским и зарубежным марксистами позволяет нам выйти за рамки традиционного рассмотрения отечественной науки вне междunarодного контекста и, напротив, показать специфику восприятия выводов советских специалистов в иной культурной и языковой среде.

Что же касается последнего героя третьей главы монографии, Г.Г. Дилигенского, анализ его казуса дает читателю представление о неоднозначности карьерных траекторий советских исследователей, которые могли принимать весьма нестандартные решения даже в строго заданных рамках советской научной системы. Недаром Г.Г. Дилигенский, стремительно делав-

<sup>6</sup> Rabinovich 2005, 204–218.

<sup>7</sup> Bukhert 2018, 45–52.

<sup>8</sup> Sevost'yanov et al. 2000; 2004.

<sup>9</sup> Krikh 2015; Skvortsov 2019.

<sup>10</sup> Sevost'yanov et al. 2000, 94–104.

ший карьеру как специалист по истории Поздней Римской империи и, вполне возможно, ставший бы преемником С.Л. Утченко на посту заведующего сектором древней истории Института истории АН СССР, внезапно для своих коллег бросил этот сюжет, оставил работу в секторе и переключился на изучение социальной психологии французских рабочих (с. 235–236). Объясняя этот неоднозначный выбор, Карпюк вновь прибегает к рассмотрению конкретного историографического казуса в весьма широком контексте и показывает, что Дилигенский был человеком своего времени, искренне верившим в идеалы оттепели и желавшим приложить немало усилий для трансформации советской системы (с. 242). Однако сделать это было невозможно, продолжая изучать некогда безопасную проблематику древней истории, и автор сделал выбор в пользу более современных проблем, открывавших путь, как полагает Карпюк, к «улучшению» марксизма (с. 242).

В целом, как поясняет автор рецензируемой монографии, для него все герои третьей главы объединены тем, что они «не были исключительно кабинетными учеными, но внесли немалый вклад в созидание той реальности, в которой жили люди XX века и плодами которой мы пользуемся по сей день» (с. 5). Читатель же может увидеть и иной принцип организации материала, обратив внимание на то, что в его рамках представлены различные типы карьерных траекторий: организатор советской науки об античности, внесший, по мнению коллег, весьма скромный вклад в развитие марксистской концепции древней истории (А.В. Мишулин), признанный классик в изучении истории древней Греции и эллинизма (К.К. Зельин) и, наконец, экспериментатор, оставивший римские штудии ради социальной психологии (Г.Г. Дилигенский). И в каждом из этих параграфов легко узнаваем почерк Карпюка: автор внимателен к деталям, которые обычно не попадают в поле зрения историографов, точен в изложении материала, уделяет немало внимания историческим документам, вводя в оборот новые исторические источники, сохранившиеся в редакции ВДИ и, следовательно, недоступные широкому кругу специалистов («Замечания по поводу письма Дж. Томсона в редакцию ВДИ»).

Однако при этом, работая с материалом третьей главы, нельзя не обратить внимание на некоторый схематизм данных текстов Карпюка. И если в случае с А.В. Мишулиным и К.К. Зельиным его можно объяснить исходным ракурсом рассмотрения материала, прочитываемого с позиций конкретных научных дискуссий, волновавших сообщество советских антиковедов в 1940-е годы, то в отношении Г.Г. Дилигенского подобный подход приводит к тому, что ученый просто помещается в контекст эпохи, демонстрируя способы адаптации советских историков к постоянно менявшемуся партийному курсу (бегство в изучение античности в годы борьбы с космополитизмом и, напротив, поворот к острым проблемам современности в годы оттепели). Безусловно, было бы глупо отрицать влияние внешнего фактора на поступки людей науки, но насколько корректно делать его главным побудительным мотивом при принятии судьбоносных решений, особенно в условиях недостатка источников? Возможно, если бы, говоря о Дилигенском, Карпюк привел больше исходных данных, его размышления не вызвали бы некоторых сомнений, пока же необходимо констатировать, что работа по изучению советской науки 1960–1980-х годов должна быть продолжена историографами.

Четвертая и пятая главы монографии продолжают ранее намеченные направления исследовательского поиска автора. В них Карпюк не только рассматривает взаимодействие советских и американских антиковедов, анализируя вклад М. Финли в предоставление СССР необходимой помощи в годы войны и реконструируя биографию Э. Грейс (Э.Л. Казакевич), приехавшей в 1949 г. в Советский Союз вместе с мужем, активистом общества друзей СССР, но и дает широкую панораму истории Института истории АН СССР, главного научно-исследовательского учреждения страны, призванного проводить исследования по самому широкому спектру тем и сюжетов. И вновь, как и в предыдущих разделах монографии, автор отличает новизна подхода и глубина проработки материала. Он активно использует данные, сохранившиеся в Архиве РАН, Государственном архиве Российской Федерации, Архиве внешней политики Российской Федерации, дополняя их уже введенными в оборот документами и материалами. В результате перед глазами историографов предстают весьма сложные фигуры ученых, на которых серьезно повлияла современная им политика, вынудившая их покинуть США и искать убежище в других странах. Анализ этих сюжетов также выводит исследователя за рамки узкой предметной области — советской историографии древности. И вновь заставляет посмотреть на советскую науку в сравнительной перспективе. Ведь если мы привыкли говорить о со-

ветской науке как деформированной системе<sup>11</sup>, то не будет ли логичным, с учетом представленного Карпюком материала, поставить вопрос гораздо шире и показать различные варианты деформации поля науки, характерные для различных национальных традиций? Впрочем, как и старалась неоднократно подчеркнуть ранее, именно в этом и заключается одно из важнейших достоинств монографии, которая в своих основных разделах очевидно обозначает направления дальнейшего исследовательского поиска. Тем более что в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки хранится фонд В.Д. Казакевича, в котором отложились материалы, касающиеся его жены, и эти документы могут пролить свет на биографию Э. Грейс<sup>12</sup>.

В пятой главе, посвященной истории становления Института всеобщей истории АН СССР, С.Г. Карпюк продолжает исследовательскую работу, начатую им совместно с М.Д. Бухариным, и, опираясь на подготовленными ранее статьи, воссоздает основные этапы предистории нового академического центра, который так и не удалось создать ни в конце 1930-х, ни в середине 1950-х годов<sup>13</sup>. Здесь автор вновь демонстрирует интерес к данным источников и обильно цитирует делопроизводственную документацию Института истории АН СССР, отмечая немало ценных деталей, свидетельствующих о кадровом составе и материально-техническом состоянии данного научного центра. При этом общая трактовка вопроса о создании Института всеобщей истории АН СССР в 1968 г. дается преимущественно в версии А.О. Чубарьяна, очевидца событий тех лет. Согласно его точке зрения, Академия наук СССР, ранее неоднократно выступавшая с инициативой разделения единого исторического института, была уведомлена о подобном решении в 1968 г. в связи с делом «мятежного» парткома (с. 380), и, хотя сами ученые ранее неоднократно настаивали на необходимости разделить столь громоздкое учреждение, в конечном счете инициатива в этом вопросе исходила от партийных инстанций. Для подтверждения данной версии Карпюк акцентирует внимание читателей на продолжительности процесса подготовки планов работы вновь образованного института и анализирует программные доклады его первого директора, академика Е.М. Жукова, представленные им в декабре 1968 г. и в декабре 1969 г. в АН СССР (с. 381–390).

Однако в современной отечественной историографии была высказана и иная точка зрения на проблему разделения двух исторических институтов<sup>14</sup>. Ее авторы, В.В. Тихонов и Н.Ю. Пивоваров, в целом опирались на ту же документацию, с которой работал С.Г. Карпюк, но, размышляя о причинах открытия Института всеобщей истории в 1968 г., все же не считали фактор разрома «даниловского парткома» определяющим в этих событиях. Напротив, с их точки зрения, важны именно внутренние процессы развития советской науки, представители которой хорошо осознавали все сложности управления столь масштабным учреждением («да, штатов — избыток, порядка снова нет»<sup>15</sup>) и были несклонны акцентировать внимание на поводах, приведших к столь долгожданной для сообщества реорганизации.

Учитывая аргументы, приводимые и С.Г. Карпюком, и В.В. Тихоновым и Н.Ю. Пивоваровым, я полагаю, что точку в данном вопросе могут поставить лишь новые документы, свидетельствующие о конкретном механизме принятия данного решения. Пока же историограф работает с точкой зрения корпорации, которая действительно считала возможным разделить единый Институт истории (хотя у этого решения были и противники, которые, как, к примеру, Н.А. Сидорова, полагали, что в условиях марксистского прочтения исторического процесса как единого искусственного разделение институтов будет просто излишним, и даже вредным), но в решении 1968 г. видела очевидный политический аспект.

В целом, завершая данную рецензию, хочется подчеркнуть, что монография С.Г. Карпюка вносит важный вклад в развитие советской историографии древности. Она предлагает исследователям иной путь изучения данного феномена, связанный с движением не от некоторой общей концепции развития марксистско-ленинской науки в СССР (как это хотели представить ученые в 2000-е годы<sup>16</sup>), но от конкретного казуса, который переплетается с другими отдельными «случаями» и составляет тонкий узор историографического процесса, изрядно

<sup>11</sup> Neretina, Ogurtsov 2010.

<sup>12</sup> ОР РГБ. Ф. 804.

<sup>13</sup> Bukharin, Karpyuk 2019.

<sup>14</sup> Pivovarov, Tikhonov 2020.

<sup>15</sup> Svanidze 2003, 286.

<sup>16</sup> Bychkov, Sveshnikov 2005.



грубеющий при любой попытке схематизации и обобщения. При этом Карпюк фактографически точен и внимателен к деталям. Он умеет обнаружить и представить наиболее характерный и показательный источник, который как нельзя лучше охарактеризует биографию автора, специфику этапа развития институции и т.д. К этому также стоит добавить, что рецензируемая монография написана очень ярким языком. Ее автор стремится к лаконичности и не прибегает к иносказаниям и эвфемизмам, анализируя даже наиболее сложные и спорные аспекты истории советской исторической науки (и — шире — советского общества). Все это позволяет утверждать, что монография С.Г. Карпюка окажется важным шагом на пути к новой концептуализации историографического материала, выполненной не до, а после тщательного анализа данных источников.

## Литература / References

- Bukharin, M.D., Karpyuk, S.G. 2019: [Foundation of the Institute of World History of the Academy of Sciences of the USSR]. *Vestnik Rossiyskoy akademii nauk [Bulletin of the Russian Academy of Sciences]* 89/11, 1162–1168.
- Bukhart, V.G. (ed.) 2018: *Perepiska N.M. i E.I. Druzhininykh s istorikami, literaturovedami, pisatelyami [Correspondence of N.M. and E.I. Druzhinin with Historians, Literary Critics, Writers]*. Moscow. Бухерт, В.Г. (сост.). *Переписка Н.М. и Е.И. Дружининых с историками, литературоведами, писателями*. М.
- Бухарин, М.Д., Карпюк, С.Г. Как создавался Институт всеобщей истории АН СССР. *Вестник Российской академии наук* 89/11, 1162–1168.
- Bychkov, S.P., Sveshnikov, A.V. 2005: [The Problem of the Phenomenon of Soviet Historiography]. In: V.P. Korzun (ed.), *Ocherki istorii otechestvennoy istoricheskoy nauki XX veka [Essays on the History of Russian Historical Science of the Twentieth Century]*. Omsk, 299–323.
- Бычков, С.П., Свешников, А.В. Проблема феномена советской историографии. В кн.: В.П. Корзун (ред.), *Очерки истории отечественной исторической науки XX века*. Омск, 299–323.
- Karpyuk, S.G. 2015: [About Ancient History with Love]. In: V.P. Korzun, S.P. Bychkov, N.N. Alevras, A.V. Antoshchenko, G.P. Myagkov, V.G. Ryzhenko, A.V. Sveshnikov, S.B. Krikh, M.A. Mamontova (eds.), *Mir istorika: istoriograficheskiy sbornik [The World of the Historian: A Historiographical Collection]*. Issue 10. Omsk, 326–360.
- Карпюк, С.Г. О древней истории с любовью. В сб.: В.П. Корзун, С.П. Бычков, Н.Н. Алеврас, А.В. Антощенко, Г.П. Мягков, В.Г. Рыженко, А.В. Свешников, С.Б. Крих, М.А. Мамонтова (ред.), *Мир историка: историографический сборник*. Вып. 10. Омск, 326–360.
- Karpyuk, S.G. 2021a: «Sovetskaya drevnost'»: istoriya nauki i obshchestva v 1930–1960-e gody [“Soviet Antiquity”: the History of Science and Society in the 1930–1960s]. Moscow.
- Карпюк, С.Г. «Советская древность»: история науки и общества в 1930–1960-е годы. М.
- Karpyuk, S.G. 2021b: [International Conference “Soviet Antiquity – VI. Ancient History in the 20<sup>th</sup> and 21<sup>st</sup> Centuries”. (Moscow, November 27–28, 2020)]. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 81/2, 536–538.
- Карпюк, С.Г. Международная научная конференция «Советская древность – VI. Древняя история в XX–XXI вв.» (Москва, 27–28 ноября 2020 г.). *ВДИ* 81/2, 536–538.
- Krikh, S.B. 2015: [A.V. Mishulin and his Spartacus]. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 1, 178–189.
- Крих, С.Б. А.В. Мишулин и его Спартак. *ВДИ* 1, 178–189.
- Krikh, S.B., Metel', O.V. 2014: *Sovetskaya istoriografiya drevnosti v kontekste mirovoy istoriograficheskoy mysli [Soviet Historiography of Antiquity in the Context of World Historiographic Thought]*. Moscow. Крих, С.Б., Метель, О.В. *Советская историография древности в контексте мировой историографической мысли*. М.
- Neretina, S.S., Ogurtsov, A.P. (eds.) 2010: *Podylastnaya nauka? Nauka i sovetskaya vlast' [Subservient Science? Science and the Soviet Regime]*. Moscow.
- Неретина, С.С., Огурцов, А.П. (ред.). *Подвластная наука? Наука и советская власть*. М.

- Pivovarov, N. Yu., Tikhonov, V.V. 2020: ["The Staff is Abundant, There is No Order Again": on the History of Separation of the Institute of History of the Academy of Sciences of the Soviet Union in 1968]. *Rossiyskaya istoriya* [Russian History] 3, 173–184.
- Пивоваров, Н.Ю., Тихонов, В.В. «Штатов — изобилие, порядка снова нет»: к истории разделения Института истории АН СССР в 1968 г. *Российская история* 3, 173–184.
- Rabinovich, M.G. 2005: *Zapiski sovetского intellektuala* [Notes of a Soviet Intellectual]. Moscow.
- Рабинович, М.Г. *Записки советского интеллектуала*. М.
- Sevost'yanov, G.N., Marinovich, L.P., Mil'skaya, L.T. (eds.) 2000: *Portrety istorikov. Vremya i sud'by*. T. 2. *Vseobshchaya istoriya* [Portraits of Historians: Time and Fate. Vol. 2. World History]. Moscow—Jerusalem.
- Севостьянов, Г.Н., Маринович, Л.П., Мильская, Л.Т. (ред.). *Портреты историков. Время и судьбы*. Т. 2. *Всеобщая история*. М. — Иерусалим.
- Sevost'yanov, G.N., Marinovich, L.P., Mil'skaya, L.T. (eds.) 2004: *Portrety istorikov. Vremya i sud'by*. T. 3. *Drevniy mir i srednie veka* [Portraits of Historians: Time and Fate. Vol. 3. Ancient World and Middle Ages]. Moscow.
- Севостьянов, Г.Н., Маринович, Л.П., Мильская, Л.Т. (ред.). *Портреты историков. Время и судьбы*. Т. 3. *Древний мир и средние века*. М.
- Skvortsov, A.M. 2019: [On History of Soviet Historical Science Development in 1930–1940s: A.V. Mishulin's Doctoral Thesis Defence]. *Nauchnyy dialog* [Scientific Dialogue] 2, 296–310.
- Скворцов, А.М. Из истории развития советской исторической науки в 1930-е — 1940-е годы: защита докторской диссертации А.В. Мишулиным. *Научный диалог* 2, 296–310.
- Svanidze, A.A. 2003: *Vtoraya muza istorika. Neizuchennye stranitsy russkoy kul'tury XX stoletiya* [The Second Muse of the Historian. Unexplored Pages of Russian Culture of the 20<sup>th</sup> Century]. Moscow.
- Сванидзе, А.А. *Вторая муза историка. Незученные страницы русской культуры XX столетия*. М.

Olga V. Metel,

Omsk Institute of Water Transport —  
branch of the Siberian State University  
of Water Transport,  
Omsk, Russia  
E-mail: olgametel@yandex.ru  
ORCID: 0000-0001-6981-6137

О.В. Метель,

к.и.н., доцент кафедры гуманитарных  
дисциплин Омского института водного  
транспорта — филиал ФГБОУ ВО  
«Сибирский государственный  
университет водного транспорта»  
Омск, Россия